

Детские площадки как пространства интеграции мигрантов

А. Л. Рочева, Е. А. Варшавер, Н. С. Иванова

Рочева Анна Леонидовна

MA in Sociology, научный сотрудник Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. E-mail: anna.rocheva@gmail.com

Варшавер Евгений Александрович

MA in Sociology, MA in Government, старший научный сотрудник Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. E-mail: varshavere@gmail.com

Иванова Наталия Сергеевна

бакалавр международных отношений, научный сотрудник Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. E-mail: nataliya.ivanova.0709@gmail.com

Адрес: 119571, Москва, пр. Вернадского, 84.

Аннотация. Детские площадки — это один из видов общественных пространств, которые предполагают максимально открытый доступ и потому обширные возможности для межэтнического контакта. Такой контакт может способствовать социальной интеграции мигрантов, т. е. преодолению стереотипных представлений мигрантов и немигрантов друг о друге и формированию между ними социальных связей, а может, напротив, порождать конфликты и усиливать негативные стереотипы. Существующая литература не позволяет дать однозначного ответа на вопрос о роли общественных пространств, и в частности детских площадок, в интеграции

мигрантов, поскольку результаты проведенных исследований противоречивы. Посвященных этой теме работ, выполненных на российском материале, обнаружить не удалось. В статье представлены результаты исследования, проведенного качественными методами (серия наблюдений и интервью) на детских площадках двух московских спальных районов (Капотня и Кунцево) в 2014–2015 гг. В фокусе внимания были родители, сопровождающие своих детей на детских площадках. На основании полученных данных авторы приходят к выводу, что детские площадки способствуют интеграции внутренних мигрантов из числа этнического большинства, но не этнического меньшинства. Интеграция последних особенно затруднена, если они слабо или неуверенно владеют русским языком и носят хиджаб. В результате на детских площадках формируются два отдельных социальных круга: «этническое большинство» и «этническое меньшинство», контакты между которыми если и бывают, то скорее конфликтного характера. Присутствие в одном пространстве при отсутствии общения провоцирует представителей этих сообществ на создание негативных интерпретаций поведения друг друга.

Ключевые слова: детские площадки, интеграция мигрантов, общественные пространства, межэтнические контакты, теория контакта.

DOI: 10.17323/1814-9545-2017-2-167-184

Статья поступила в редакцию в декабре 2016 г.

Статья написана на основании научно-исследовательской работы «Разработка методологических подходов к оценке регулирующего воздействия законодательства в области миграции на основе социологических методов» в рамках государственного задания РАНХиГС на 2016 г.

В современных городах существуют детские пространства, они могут быть разных типов — от школ до детских площадок. Специфика детских площадок состоит в том, что это общественные места, доступ в которые открыт максимально широкому кругу лиц — а значит, они могут создавать условия для межэтнических контактов, которые, в свою очередь, могут способствовать социальной интеграции мигрантов. Судя по имеющимся в научной литературе данным, роль детских площадок в частности и общественных мест в целом в интеграции мигрантов неоднозначна. С одной стороны, они способствуют преодолению негативных стереотипов и формированию новых социальных связей между мигрантами и немигрантами, а с другой — сталкивают на ограниченном пространстве людей, различающихся своими представлениями и убеждениями, порождают конфликты и усиливают отрицательные установки мигрантов и немигрантов в отношении друг друга. Можно предположить, что влияние детской площадки на социальную интеграцию мигрантов сильно зависит от конкретных условий, однако ни одного исследования по данной проблеме на российском материале нам обнаружить не удалось.

В этой статье мы обсудим значение детских площадок для социальной интеграции мигрантов на материале исследования, проведенного в спальных районах Москвы. В частности, эмпирической базой данной работы станут наблюдения и интервью, проведенные в 2014–2015 гг. в Капотне и Кунцево. Мы покажем, что роль детских площадок в процессе интеграции мигрантов неоднозначна: они способствуют налаживанию общения родителей из числа «этнического большинства», тогда как «этническое меньшинство» остается вне этих контактов.

Роль общественных пространств в социальной интеграции мигрантов

Тенденция последнего времени в изучении интеграции мигрантов состоит в переносе внимания исследователей с макроуровня — с государственных усилий на те процессы, которые происходят на микроуровне, в повседневности. Все чаще исследователи обращаются к изучению того, что происходит на рабочих местах [Thuesen, 2016; Kokkonen, Esaiasson, Gilljam, 2015], в школах [Demanet, Agirdag, VanHoutte, 2012] и в общественных пространствах [Vervoort, Flap, Dagevos, 2011; Vervoort, 2011; Legeby, 2010; Nagy, 2006]. Специфика общественных пространств заключается в том, что доступ в них по определению открыт для всех [Piekut, Valentine, 2016]¹ — а значит, здесь высоки шансы на встречу людей с разным миграционным и этническим бэкграундом [Madinipour, 1999]. Однако до сих пор исследователи не пришли к од-

¹ Об ограничениях доступа мигрантов к общественным пространствам см.: [McDowell, Wonders, 2009].

нозначному выводу о роли, которую общественные пространства играют в интеграции мигрантов.

Интеграция подразумевает несколько аспектов: структурный, символический, социальный и культурный [Esser, 2001; 2004; Heckmann, Schnapper, 2003; Heckmann, Bosswick, 2005]. Эмпирически установлена, в частности, связь между интенсивностью межэтнических контактов и культурной интеграцией мигрантов, т. е. уровнем, на котором они владеют языком принимающего общества [Gijberts, Dagevos, 2007]. Однако прежде всего исследователей интересует связь между этнически разнообразными общественными пространствами и социальной интеграцией, которую концептуализируют через три составляющие: формирование социальных связей между мигрантами и немигрантами [Esser, 2001; Esser, 2004; Heckmann, Schnapper, 2003; Heckmann, Bosswick, 2005], преодоление ими негативных стереотипов в отношении друг друга (в соответствии с теорией контакта [Allport, 1979]²), возникновение у мигрантов и немигрантов психологического комфорта при нахождении в общественном пространстве в присутствии «других»³.

Данные относительно влияния общественных пространств на социальную интеграцию мигрантов противоречивы. Одни исследователи отмечают, что общественные пространства с правом свободного доступа способствуют интеграции — за счет происходящих в них контактов между мигрантами и немигрантами [Peters, 2011; Anderson, 2011; Madanipour, 1999]. Например, в Швейцарии исследователи показали, что чем чаще школьники посещают парки и другие зеленые зоны в пределах города, тем более этнически разнообразен их круг общения [Seeland, Dübendorfer, Hansmann, 2009]. Другие специалисты, однако, утверждают, что пребывание в общественных пространствах не влияет на интеграцию, поскольку люди, даже находясь рядом, могут вообще не взаимодействовать, и потому способствовать интеграции могут только те общественные пространства, в которых люди собираются, имея общую цель [Amin, 2002]. Ища объяснение отсутствию воздействия общественных пространств на интеграцию, исследователи установили, что даже если незнакомые друг другу мигранты и немигранты вступают в разговор, то эти поверхностные краткие контакты (*small-talks*) не перерастают в полноценное общение — как у трех групп мигрантов в Германии [Jay, Schraml, 2009]. В ходе исследовательского проекта, в котором участвовали мигранты, живущие в четырех разных странах, выяснилось, что пребывание в парках не способствует формированию у них социальных связей с немигрантами, зато укрепляет связи с членами семьи и своего этнического сообщества [Stodolska, Peters, Horolets, 2016]. Более того, в ряде исследований

² См. также [Варшавер, 2015].

³ Все три аспекта использованы в работе: [Peters, 2011].

было показано, что межэтнические контакты в общественных местах могут приводить к конфликтам [Aptekar, 2015] и усиливать негативные стереотипы мигрантов и немигрантов в отношении друг друга [Matejskova, Leitner, 2011].

Неоднозначность оценок роли общественных пространств в интеграции мигрантов не в последнюю очередь обусловлена разнообразием самих пространств. В приводимых исследованиях под «общественными пространствами» скрываются улицы, тротуары, зеленые зоны, парки, кафе, детские площадки и другие места в городе, которые специалисты неоднократно пытались типологизировать [Carmona, 2010]. Наибольшее внимание в данном контексте уделяется двум типам общественных пространств. Это, во-первых, зеленые зоны и парки, которые в последние 50 лет широко обсуждаются в Европе и Северной Америке в связи с культурным разнообразием, разными представлениями о досуге и соответственно разными потребностями, которые надо в одинаковой мере удовлетворить [Kloek, 2015; Roberts, 2015; Gentin, 2011], а во-вторых, уличные пространства в «смешанных» спальных районах, где имеют возможность общаться соседи, различающиеся этнической идентификацией [Piekut, Valentine, 2016].

Детские площадки редко попадают в сферу внимания исследователей процесса адаптации мигрантов, и согласие среди специалистов в отношении их роли в социальной интеграции все еще не достигнуто. В Канаде К. Палмер изучала, среди прочего, поведение нянь — мигранток из Филиппин и их «белых» работодательниц на детских площадках, и показала, что они практически не вступают друг с другом в контакт. Формирование групп филиппинских нянь, сидящих вместе на детских площадках, К. Палмер расценивает как их стратегию преодоления социального исключения из общественных пространств [Palmer, 2010]. В Италии исследователи обратили внимание на то, что взаимодействия детей — албанских и итальянских — «не переводятся» во взаимодействия их матерей, которые либо не общаются, находясь в парке одновременно, либо избегают друг друга, стараясь приходить в парк в разное время [Zoletto, Wildemeersch, 2012]. Между тем в других исследованиях показано, что дети часто становятся «посредниками» в межэтнических контактах. В Германии М. Шеффер на массиве количественных данных показал, что дети являются посредниками в межэтнических контактах для своих родителей в двух типах общественных пространств: в парках и на детских площадках [Schaeffer, 2013], однако механизма этого «посредничества» не раскрыл. В лонгитюдном проекте по изучению второго поколения мигрантов в США было установлено, что дети мигрантов становятся переводчиками и «культурными брокерами» для своих родителей, которые плохо говорят по-английски и слабо ориентируются в системе американских институтов [Portes, Rumbaut, 2001].

Таким образом, в научной литературе собрано достаточно данных, свидетельствующих о том, что общественные пространства — это места, значимые с точки зрения социальной интеграции мигрантов, однако детские площадки изучены весьма слабо и российские работы по этому вопросу отсутствуют. Посвященные ему немногочисленные исследования дают противоречащие друг другу результаты. Задача этой статьи — проанализировать происходящее на детских площадках спальных районов Москвы взаимодействие между мигрантами и немигрантами и оценить, таким образом, роль этого типа общественных пространств в интеграции мигрантов.

В статье представлен анализ части эмпирических данных, собранных в ходе проекта по изучению интеграции мигрантов в двух спальных районах Москвы в 2014–2015 гг. Детские площадки были одним из объектов изучения в данном проекте. Эмпирическую базу исследования составляют 13 часов включенного наблюдения на детских площадках Капотни и Кунцево, в том числе серия из 10 полуструктурированных интервью с информантами — женщинами, мигрантками и немигрантками, в возрасте от 25 до 40 лет. Среди женщин-мигранток были приезжие из Узбекистана, Таджикистана, Киргизии и Армении.

Дизайн исследования

Взаимодействие на детских площадках располагает к общению: мамы (реже папы или другие родственники) проводят на детских площадках довольно много времени и у них есть общие интересы и темы для обсуждения, что создает основу для формирования социальных связей. Даже только что переехавшая из другого района, города или региона мама с высокой вероятностью в скором времени обзаводится новыми знакомствами — с другими мамами. Так, о приобретении социальных связей в кругу других родителей в данном районе рассказывали переехавшие в него как в советское, так и в постсоветское время из других московских районов и из других регионов.

Взаимодействие мигрантов и местных жителей на дет- ских площадках: результаты наблюдения и интервью

И.: Где вы родились? Как вы попали в Капотню?

Р.: Я родилась в Коломне. Это Подмосковье. Московская область. Сюда я вышла замуж [в 1984 году]. <...> Сразу оуклилась, друзья здесь появились, интересно жить стало. То есть где друзья, там и хорошо.

И.: А как друзья появились?

Р.: Сначала коляски катали вместе, как у всех мамочек. То есть сначала в песочнице знакомились (*Интервью рг4_2015_031, женщина, 54 года, русскоязычная*).

...

И.: Вы переехали в новый район, вы тут год живете?

Р.: Нет, четыре года я уже тут живу.

И.: И насколько легко вы тут включились? Познакомились с кем-то, подружились?

Р.: Я познакомилась с девочкой, которая тут раньше не жила, и вот с [имя] мы познакомилась. <...> Когда есть ребенок, быстро находишь общий язык, потому что все хотят поделиться эмоциями после родов, как тяжело с маленьким ребенком, у кого какие проблемы, какие у тебя, как ты с ними справляешься. Очень много есть о чем поговорить. Это быстро, конечно (*Интервью pr4_2014_021, женщина, 30 лет, русскоязычная*).

Ж. рассказала, что она из Владивостока, живет в Москве лет пятнадцать, в разных районах. <...> Она в районе имеет «полный комплект» друзей, точнее подруг, других мам. Знакомилась с ними через практики, связанные с ребенком. Они выручают ее, в том числе могут одолжить денег до зарплаты (*Дневник pr6_2015_d39_2804_AR, женщина, 32 года, русскоязычная*).

У иноэтничных женщин взаимодействие на детских площадках складывается не так просто. Молодая женщина из Армении, которая занимается домашним хозяйством и детьми, а также помогает в работе своей маме в Капотне, рассказывала о случаях проявления враждебного отношения к ней и ее детям на основании этнической принадлежности — внешнего вида и неуверенного владения русским языком.

И1: Сейчас можно везде гулять? Или все равно куда-то лучше не ходить с детьми?

Р2: Нет, знаете, я хожу [везде]. Просто когда смотрю — что-то не то, сразу возьму — и ничего не можешь сказать. «Ты кто?» Я не люблю, когда говорят: «Ты кто?». Уже все, война будет. <...> Есть люди, когда смотрят [что] ребенок черненький немножко: «Ты кто такой? Ты не играй. Ты понаехали». Именно не люблю. Я никогда не [говорю]: «Ты русская, я армянка». Разницы нет. Если люди, значит люди. Даже я... У нас война была с Азербайджаном. Но у меня подружка есть азербайджанка. Для меня, если она хорошая, — какая разница? Но они вот это не думают. Они сразу говорят. Когда мы один раз были у ДК, очень красивую сделали там площадку. [Дочка] хотела кататься. Одна там русская была. Мне говорит: «Ты кто такая? Это я русская, у меня внучка здесь, если она хочет, то может делать все, что хочет». Я сказала: «Ну, сто раз извините. Сто раз». Ничего не сказала. Что можно сказать? (*Интервью pr4_2014_008, женщина, 26 лет, армянка*).

Общения между мамами из числа «этнического большинства» и «этнического меньшинства» в ходе исследований зафиксировано не было: когда на площадках одновременно присутствовали мамы — представители разных этносов, они занимали разные скамейки.

К концу беседы распределение на площадке было такое. Одна скамейка — это таджички, вторая — азербайджанки, третья — «местные» (*Дневник pr4_2014_d_0713_AR*).

Женщины-мигранты отмечали негативное отношение со стороны местных жителей. И точно так же русскоязычные женщины говорили о дискомфорте, который возникает, когда они находятся на одной детской площадке, и о негативном отношении к ним со стороны иноэтничных мам. Психологический дискомфорт связан в первую очередь с нарушениями в коммуникации — с отсутствием общего языка общения. Женщины-мигранты, живущие в Капотне и занимающиеся домашним хозяйством и детьми, действительно, судя по результатам наблюдения, часто плохо говорят по-русски. Примером может служить молодая узбечка из Киргизии, мама двоих детей, которая почти ни с кем в районе не общается.

В Капотне у нее нет подруг, потому что даже если на детской площадке с кем-то здороваются, дальше дело не идет: она стесняется говорить по-русски и может только отвечать на вопросы, а сама заговаривать стесняется; а другие вопросы и не задают. Была год назад подруга русская, Аня из Новосибирска, их дочери были одноклассницы, через дочек и познакомились на детской площадке. С ней она не стеснялась говорить. Говорили о национальных блюдах, например, Ч. учила ее готовить плов, но вместе они никогда не готовили. Куда Аня пропала, Ч. не знает, они не обменивались номерами телефонов (*Дневник pr4_2014_d_0711_AR, женщина, 28 лет, узбечка из Киргизии*).

Языковой барьер препятствует возможному взаимодействию, даже поверхностному, гуляющих на одной детской площадке родителей из числа местного населения и иноэтничных мигрантов. А отсутствие такого взаимодействия не дает возможности последним улучшить свои языковые компетенции. Более того, из-за отсутствия общего языка общения возникают непонимание и конфликты, когда люди воспринимают поведение представителей другого этноса как агрессивное. Следующий отрывок из интервью с двумя женщинами, имеющими детей дошкольного возраста, иллюстрирует такую ситуацию. У одной из женщин в Капотне живет уже третье поколение ее семьи, а другая переехала в район четыре года назад.

И1: А скажите, вы говорите, на детских площадках мамы легко знакомятся. Но, например, если гуляют мамы с детьми, кто из других стран, то знакомятся с ними?

Р1: Если они по-русски разговаривают, то почему нет? Мы тоже перекинемся словами, расскажем о своем ребенке, послушаем.

И1: А было такое?

Р1: Было, да.

Р2: В основном был негатив, когда они разговаривают не по-русски, там прямо какая-то агрессия была в сторону наших русских детей.

И1: А как проявлялась?

Р2: Какая-то ерунда, вплоть до «Это моя лопатка», «Это моя кукла», берет эту куклу и чуть ли не по башке дает, с горки пытается столкнуть — как-то так. По-русски тоже ни бе ни ме ни кукареку, были такие неприятные случаи, но, я думаю, это не беда Капотни, это беда всей Москвы. Мне кажется, сейчас все страдают от этого, даже послушать новости — в том же Париже тоже свои какие-то приезжие, которые тоже там у них отдельные районы, они как-то там по-другому живут, у них свои порядки и все такое. Нет, говорю, собственными глазами видела, причем не только я, а полдома, как несколько нерусских, кажется, армяне, просто избили двух ребят дубинками и затащили под рынок, в подвал.

И1: А на детской площадке все-таки подружились с кем-то из мигрантов?

Р1: Не то что подружились, просто были ситуации, когда тоже приходилось — не то что приходилось — все из-за детей, в общении там что-то: а у вас — а у нас, вот так вот. И все. Прямо чтобы дружить и обмениваться телефонами — нет, конечно (*Интервью рг4_2014_021, женщины, 30 лет, русскоязычные*).

В приведенном выше отрывке информант быстро переходит от описания ситуации взаимодействия с иноэтничными мамами на детских площадках к общей ситуации с мигрантами (очевидно, транслированной ей через СМИ), а затем снова к ситуации из жизни, когда мигранты совершили преступление на ее глазах. Все это соединяется в один общий образ. Иноэтничные женщины с детьми, гуляющие в районе, «прочитываются» респондентом как часть «мигрантской угрозы», в которую соединяются и беспорядки в Париже, и увиденные когда-то агрессивные действия в Капотне. Это представление сложно разрушить без общения, которое затруднено слабым знанием русского языка у иноэтничных мигрантов. Однако, как показывают другие наблюдения, слабое знание языка не всегда препятствует позитивному взаимодействию. В ходе исследования можно было увидеть, как иноэтничные женщины-мигранты, которые владеют разными

ми языками и плохо говорят по-русски, взаимодействуют и общаются, хотя общение носит весьма поверхностный из-за языкового барьера характер.

Постепенно на скамейке напротив появилась еще одна мама с мальчиком лет трех, азербайджанка, как сказала [таджичка Щ., которая практикует ислам и носит хиджаб]. Она была в платье до колена и с длинным хвостом. С Щ. они знакомы по детской площадке. Она достала пакетик с чем-то сладким типа попкорна, угостила им бегавших рядом сыновей [таджичек] Н. и Щ. (больше детей на площадке не было). К ней подошла вторая азербайджанка с сыном и дочкой, около трех и шести лет. Они явно были знакомы. Первая азербайджанка ушла, вторая осталась. Щ. предложила нас познакомить, так как ее она тоже знала. Мы с ней пошли вместе, но как-то так получилось, что Щ., потоптавшись рядом с нами, ушла обратно к Н. Начала говорить с азербайджанкой совсем не юного вида, с длинным черным хвостом. Это Б., ей 42 года, из Гянджи, говорит по-русски очень плохо, и мне было удивительно, как же они с Щ. -то познакомились. Точнее, познакомиться тут нетрудно, а вот общаться дальше они вряд ли смогут (*Дневник pr4_2014_d_0713_AR*).

Помимо слабого знания русского языка существует и другой, не менее значимый фактор, препятствующий общению мигранток с женщинами из числа «этнического большинства», — ношение хиджаба. Мигрантки из Средней Азии, которые носят хиджаб, отмечают недоброжелательное отношение «местных» и связывают его в том числе с этим атрибутом. Ниже приведен отрывок из дневника, в котором фиксировалось включенное наблюдение и интервью с двумя женщинами-мигрантками из Таджикистана, которые носят хиджаб и сетуют на то, что с ними в районе никто не общается, кроме пенсионеров, страдающих от невнимания окружающих и недостатка общения.

В ответ на мои рассказы о том, что мы хотим в сентябре проводить мероприятия, чтобы люди дружили, они сказали, что они придут, но только русские с ними дружить не будут. Щ. при этом что-то рассказала Н. по-таджикски про детскую площадку и азербайджанку/азербайджанцев и «че ты смотришь». Видимо, какая-то болезненная история. Тут они общаются только с пенсионерками, которые жалуются, а они и слушают — больше-то их никто не слушает. Н., прикасаясь к хиджабу, говорила, что их тут не любят, «хотя кто тут деньги платит за жилье»? Вот ее муж платит 27 тысяч каждый месяц за квартиру им с сыновьями, а местный бомж-алкаш деньги получает

(pr4_2014_d_0710_AR, Ш. — женщина, 26 лет, таджичка из Таджикистана, Н. — женщина, 32 года, таджичка из Таджикистана).

Обе стали меня спрашивать про место, где бы дети могли выучить русский язык. Просто на кружки, не связанные с русским языком, они ходить не хотят. Я предложила им сходить в ДК и посмотреть набор кружков там. Пошли. Я поняла, что вид женщин в хиджабах действительно пугает местных, у которых и так взгляды не очень дружелюбные, а тут и вовсе из-под бровей *(pr4_2014_d_0711_AR, Ш. — женщина, 26 лет, таджичка из Таджикистана, Н. — женщина, 32 года, таджичка из Таджикистана).*

Неготовность местных родителей общаться на детских площадках с мамами-мигрантками, тем более если последние не говорят или плохо говорят по-русски и/или носят хиджаб, приводит к сегрегации — к тому, что мигрантки формируют свои отдельные круги общения. Ношение хиджаба в этом смысле — очень мощный сигнал и внешний признак, который отталкивает местных жителей и притягивает других женщин, практикующих ислам. Так, первая из встреченных в процессе исследования женщин-мигранток на детской площадке — таджичка Н., которая практикует ислам и носит хиджаб, приобретала подруг-мусульманок буквально на глазах исследователей. В Кунцево, по рассказам информантов, русскоязычные мусульманки в хиджабах образуют свой отдельный круг общения.

Есть мамы русские, вышедшие замуж за дагестанцев, к примеру, и носящие хиджаб, — вот с ними отношения близкие не складываются, они кучкуются друг с другом *(Дневник pr6_2015_d39_2804_AR, женщина, 32 года, русскоязычная).*

Формирующиеся таким образом группы мигранток русскоязычные женщины интерпретируют как следствие нежелания мигрантов интегрироваться в местное сообщество и непреодолимой культурной дистанции между мигрантами и немигрантами.

P1: Ну подождите, а зачем вообще включать их? В наш круг? Они прекрасно ходят себе в свой круг общения и собираются таким же кругом.

P2: Они их изначально воспитывают так, что...

P1: Не-не, я говорю к тому, что они не одни сидят — у меня в доме полдома вот таких вот, они собираются целой кучей, вот живут через подъезд, и спокойно себя чувствуют, они собираются целой компанией. У нас разные дела. У нас разное мировоз-

зрение. Мы там всю жизнь жили так, у них свой взгляд на мир. У них даже если взять семью — у мужчины там женщина только следит за домом, за семьей, за детьми. У нас другой менталитет, у нас женщина и работает, и за детьми следит, и за семьей следит, и свою карьеру строит. И ну то есть все. У них не так. Мужчина зарабатывает, мужчина приносит в дом, добытчик. Они — только с детьми. Ну у нас совершенно разный менталитет, зачем их пересекать? (*Интервью рг4_2014_021, женщины, 30 лет, русскоязычные*).

На уровне родителей взаимодействие между местными жителями и иноэтничными мигрантами на детских площадках затруднено, но детей это практически не касается. Родители из числа местных жителей не высказываются против общения своих детей с детьми-мигрантами. Основное неприятие местных жителей на детских площадках вызывают именно иноэтничные родители — как в приводимой ниже реплике, которую информант высказал в ответ на рассказ исследователя о планируемых практиках по интеграции мигрантов и немигрантов. Вся вина за конфликты на детских площадках возлагается на иноэтничных мам, поведение которых трактуется как агрессивное, а языковой барьер не дает возможности договориться.

И.: Наша задача в том, чтобы люди, которые приезжают откуда-то, включались адекватно в жизнь местного населения, и наша задача в том, чтобы придумать, каким образом вот этих, например, мам с детьми, которые гуляют вместе на детских площадках, которые плохо по-русски говорят, каким образом их включить, чтобы люди меньше друг друга боялись.

Р.: Чтобы не настраивать против русских детей — и все. <...>

И.: Ну, дело в том, что они не такая однородная группа, и мы тоже не такая однородная группа.

Р.: Никто не против, но почему они тогда настраивают своих детей, сами себя? Почему они просто к нам враждебно относятся? Вот и все. Даже детей своих не учат русскому языку, видно, что дети очень настроены — играют только, просто кошмар, со своими. Когда к ним подходит русский ребенок со своей лопаткой или берет их ведерко, начинает копать, сразу начинается негатив, это видно. Они к нам приехали — и зачем такого маленького ребенка изначально настраивать на негатив, на какую-то войну, вражду, зачем это делать? Они так всех воспитывают детей, зачем это нужно? Это же ужасно, когда маленький ребенок чувствует вражду, когда с грудным молоком он впитывает то, что вот эти вот русские — они плохие и вообще с ними не стоит ни дружить, ни общаться, ни давать им там свое ведерко, чтобы сделать куличик. Если такое происходит, он со злым лицом отнимает это ведерко, начи-

нает там играть, что-то там говорит по-своему, мама поддерживает. С мамой тоже не договоришься, потому что она мало по-русски понимает что-то, да и не хочется, потому что это по меньшей мере неадекватно (*Интервью pr4_2014_021, женщина, 30 лет, русскоязычная*).

Таким образом, детские площадки являются пространством, в котором происходит взаимодействие жителей района, отличающихся по своему миграционному опыту и этнической идентификации. И если общение между детьми достаточно интенсивно, то контакты их родителей обусловлены совокупностью взаимных негативных ожиданий, представлений и опасений, в результате чего «русские» мамы и мамы-мигрантки между собой практически не общаются, формируя два не связанных социальных круга. Нахождение в одном пространстве, однако, заставляет создавать интерпретации, и в результате в среде «русских» мам складывается представление, согласно которому приезжие настраивают своих детей против «русских», мигрантки же уверены, что «русские» их отвергнут из-за плохого знания русского языка (что не мешает складываться многоязыковым группам мигрантских мам).

Заключение Детские площадки в московских спальных районах — это те немногие общественные пространства, которые предполагают регулярное, частое и длительное нахождение рядом друг с другом мигрантов и немигрантов, гуляющих с детьми. Специфика роли родителя диктует необходимость следить за ребенком и периодически проверять, где он находится и все ли в порядке, а потому полностью «закрыться» от происходящего на площадке оказывается невозможно. Для части родителей, например для внутренних мигрантов из числа «этнического большинства», детские площадки оказываются тем общественным пространством, которое способствует их интеграции. Для другой части — «этнического меньшинства», особенно для плохо владеющих русским языком и носящих хиджаб, — они превращаются в пространства сегрегации и зачастую конфликта. Таким образом, немодерируемые контакты мигрантов и немигрантов на детских площадках не приводят к позитивному взаимодействию и формированию социальных связей. Для достижения этой цели необходимо целенаправленное воздействие с помощью интеграционных практик [Варшавер, Рочева, Иванова, 2017].

Как ни парадоксально, можно предположить, что конфликты на детских площадках не были бы столь острыми, если бы не дети, чья роль в этом общественном пространстве двойственная. С одной стороны, дети до определенного возраста не интернализируют систему этнических различий и связанных с ними

паттернов поведения, а потому создают возможности для взаимодействия родителей, в том числе для межэтнических контактов. С другой стороны, само присутствие рядом детей может усилить беспокойство родителей, связанное с соседством «других», а вслед за ним — и негативные стереотипы в отношении представителей иных этносов. Эти гипотезы требуют дальнейшего исследования.

Изучение поведения детей и родителей на детских площадках — одно из наиболее перспективных направлений исследования воздействия общественных пространств на интеграцию мигрантов в России, наряду с аналогичными исследовательскими проектами на спортивных площадках, во дворах и торговых центрах. Распространенный на Западе аналитический ход с выбором смешанных районов в качестве отдельного объекта — и соответственно единого типа общественного пространства — в России вряд ли имеет смысл, поскольку, во-первых, отсутствуют этнически однородные районы, во-вторых, как показал обзор литературы, общественные пространства — это обширный кластер разнообразных пространств, каждое из которых может воздействовать на интеграцию специфическим образом. Выбор же района как единицы анализа и единого типа общественного пространства «замыливает» возможные плодотворные различия.

1. Варшавер Е. А. (2015) Теория контакта: обзор // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. № 5 (129). С. 183–214.
2. Варшавер Е. А., Рочева А. Л., Иванова Н. С. Интеграция мигрантов на местном уровне: результаты научно-практического проекта // Социс (в печати).
3. Amin A. (2002) Ethnicity and the Multicultural City: Living with Diversity // Environment and Planning A. Vol. 34. No 6. P. 959–980.
4. Anderson E. (2011) The Cosmopolitan Canopy: Race and Civility in Everyday Life. New York, NY: Norton.
5. Aptekar S. (2015) Visions of Public Space: Reproducing and Resisting Social Hierarchies in a Community Garden // Sociological Forum. Vol. 30. No 1. P. 209–227.
6. Carmona M. (2010) Contemporary Public Space, Part Two: Classification // Journal of Urban Design. Vol. 15. No 2. P. 157–173.
7. Demanet J., Agirdag O., Van Houtte M. (2012) Constrict in the School Context // The Sociological Quarterly. Vol. 53. No 4. P. 654–675.
8. Esser H. (2001) Integration und ethnische Schichtung // Mannheim: Mannheimer Zentrum für Europäische Sozialforschung.
9. Esser H. (2004) Does the «New» Immigration Require a «New» Theory of Intergenerational Integration? // International Migration Review. Vol. 38. No 3. P. 1126–1159.
10. Gentin S. (2011) Outdoor Recreation and Ethnicity in Europe — A review // Urban Forestry & Urban Greening. Vol. 10. No 3. P. 153–161.
11. Gijsberts M., Dagevos J. (2007) The Socio-Cultural Integration of Ethnic Minorities in the Netherlands: Identifying Neighbourhood Effects on Multiple Integration Outcomes // Housing Studies. Vol. 22. No 5. P. 805–831.

Литература

12. Allport G. W. (1979) *The Nature of Prejudice*. Reading, MA: Addison-Wesley.
13. Heckmann F., Bosswick W. (2005) *Integration and Integration Policies*. Bamberg: European Forum for Migration Studies.
14. Heckmann F., Schnapper D. (eds) (2003) *The Integration of Immigrants in European Societies: National Differences and Trends of Convergence*. Stuttgart: Lucius & Lucius.
15. Jay M., Schraml U. (2009) Understanding the Role of Urban Forests for Migrants—Uses, Perception and Integrative Potential // *Urban Forestry & Urban Greening*. Vol. 8. No 4. P. 283–294.
16. Kloek M. E. (2015) *Colourful Green: Immigrants' and Non-Immigrants' Recreational Use of Greenspace and Their Perceptions of Nature* (PhD Thesis). Wageningen: Wageningen University.
17. Kokkonen A., Esaiasson P., Gilljam M. (2015) Diverse Workplaces and Interethnic Friendship Formation—A Multilevel Comparison across 21 OECD Countries // *Journal of Ethnic and Migration Studies*. Vol. 41. No 2. P. 284–305.
18. Legeby A. (2010) From Housing Segregation to Integration in Public Space // *The Journal of Space Syntax*. Vol. 1. No 1. P. 92–107.
19. Madanipour A. (1999) Why Are the Design and Development of Public Spaces Significant for Cities? // *Environment and Planning B: Planning and Design*. Vol. 26. No 6. P. 879–891.
20. Matejskova T., Leitner H. (2011) Urban Encounters with Difference: The Contact Hypothesis and Immigrant Integration Projects in Eastern Berlin // *Social & Cultural Geography*. Vol. 12. No 7. P. 717–741.
21. McDowell M.G., Wonders N. A. (2009) Keeping Migrants in Their Place: Technologies of Control and Racialized Public Space in Arizona // *Social Justice*. Vol. 36. No 2 (116). P. 54–72.
22. Nagy S. (2006) Making Room for Migrants, Making Sense of Difference: Spatial and Ideological Expressions of Social Diversity in Urban Qatar // *Urban Studies*. Vol. 43. No 1. P. 119–137.
23. Palmer K. S. (2010) *Spaces of Belonging: Filipina LCP Migrants and their Practices of Claiming Space in Toronto* (PhD Thesis). Toronto: University of Toronto.
24. Peters K. (2011) *Living Together in Multi-Ethnic Neighbourhoods: The Meaning of Public Spaces for Issues of Social Integration*. (PhD Thesis). Wageningen: Wageningen University.
25. Piekut A., Valentine G. (2016) Spaces of Encounter and Attitudes Towards Difference: A Comparative Study of Two European Cities // *Social Science Research*. doi:10.1016/j.ssresearch.2016.08.005
26. Portes A., Rumbaut R. (2001) *Legacies—The Story of the Immigrant Second Generation*. Berkeley: University of California Press.
27. Roberts N. S. (2015) Race, Ethnicity, and Outdoor Studies: Trends, Challenges, and Forward Momentum // B. Humberstone, H. Prince, K. Henderson (eds) *International Handbook of Outdoor Studies*. United Kingdom: Routledge. P. 341–350.
28. Schaeffer M. (2013) Inter-Ethnic Neighbourhood Acquaintances of Migrants and Natives in Germany: On the Brokering Roles of Inter-Ethnic Partners and Children // *Journal of Ethnic and Migration Studies*. Vol. 39. No 8. P. 1219–1240.
29. Seeland K., Dübendorfer S., Hansmann R. (2009) Making Friends in Zurich's Urban Forests and Parks: The Role of Public Green Space for Social Inclusion of Youths from Different Cultures // *Forest Policy and Economics*. Vol. 11. No 1. P. 10–17.

30. Stodolska M., Peters K., Horolets A. (2016) Immigrants' Adaptation and Interracial/Interethnic Interactions in Natural Environments // *Leisure Sciences*. doi: 10.1080/01490400.2016.1213676
31. Thuesen F. (2016) Linguistic Barriers and Bridges: Constructing Social Capital in Ethnically Diverse Low-Skill Workplaces // *Work, Employment & Society*. doi: <https://doi.org/10.1177/0950017016656321>
32. Vervoort M. H.M. (2011) Living Together Apart? Ethnic Concentration in the Neighbourhood and Ethnic Minorities' Social Contacts and Language Practices. The Hague: The Netherlands Institute for Social Research.
33. Vervoort M., Flap H., Dagevos J. (2011) The Ethnic Composition of the Neighbourhood and Ethnic Minorities' Social Contacts: Three Unresolved Issues // *European Sociological Review*. Vol. 27. No 5. P. 586–605.
34. Zoletto D., Wildemeersch D. (2012) Public Playgrounds as Environments for Learning Citizenship. Notes from the Scientific Research Community: «Plurality and Diversity in Urban Context» // *Pedagogia Oggi*. No 1. P. 78–87.

Playgrounds as Migrant Integration Spaces

Authors **Anna Rocheva**

MA in Sociology, Research Fellow at the Russian Presidential Academy for National Economy and Public Administration. E-mail: anna.rocheva@gmail.com

Evgeni Varshaver

MA in Sociology, MA in Government, Senior Research Fellow at the Russian Presidential Academy for National Economy and Public Administration. E-mail: varshavere@gmail.com

Nataliya Ivanova

BA in International Relations, Research Fellow at the Russian Presidential Academy for National Economy and Public Administration. E-mail: nataliya.ivanova.0709@gmail.com

Address: 119571, Moscow, Vernadskogo pr., 84.

Abstract Playgrounds form one of the types of public spaces with the widest possible access and thus imply opportunities for interethnic contact. This contact, in turn, can contribute to migrant social integration — meaning a weakening of migrant-non-migrant stereotypes and a formation of new social ties between these two ‘groups’ — or, on the contrary, lead to conflicts and strengthen negative attitudes. Existing scholarship provides contradictory accounts regarding the question about the role that public spaces in general and playgrounds in particular play regarding migrant integration. In the case of Russia, there are no accounts at all. The article presents the results of research conducted with qualitative methods (observation and interviews) on the playgrounds in two Moscow residential neighborhoods in 2014–2015 and which focused on the grown-ups/parents rather than the children. The article argues that playgrounds contribute to the integration of internal migrants-‘ethnic majority’ but not international migrants-‘ethnic minority’, even more so if the latter speak little Russian and/or wear a hijab. As a result, playgrounds witness the formation of two distinct ‘social circles’ of the ‘ethnic minority’ and ‘ethnic majority’ with few contacts between them, most of which are of a conflicting nature. Lack of interaction together with presence in the same space leads to the creation of a negative interpretation of each other’s behavior from both sides.

Keywords playgrounds, migrant integration, public spaces, interethnic contact, contact theory, Moscow

- References**
- Amin A. (2002) Ethnicity and the Multicultural City: Living with Diversity. *Environment and Planning A*, vol. 34, no 6, pp. 959–980.
 - Anderson E. (2011) *The Cosmopolitan Canopy: Race and Civility in Everyday Life*. New York, NY: Norton.
 - Aptekar S. (2015) Visions of Public Space: Reproducing and Resisting Social Hierarchies in a Community Garden. *Sociological Forum*, vol. 30, no 1, pp. 209–227.
 - Carmona M. (2010) Contemporary Public Space, Part Two: Classification. *Journal of Urban Design*, vol. 15, no 2, pp. 157–173.
 - Demant J., Agirdag O., Van Houtte M. (2012) Constrict in the School Context. *The Sociological Quarterly*, vol. 53, no 4, pp. 654–675.
 - Esser H. (2001) *Integration und ethnische Schichtung*. Mannheim: Mannheimer Zentrum für Europäische Sozialforschung.

- Esser H. (2004) Does the “New” Immigration Require a “New” Theory of Intergenerational Integration? *International Migration Review*, vol. 38, no 3, pp. 1126–1159.
- Gentin S. (2011) Outdoor Recreation and Ethnicity in Europe—A Review. *Urban Forestry & Urban Greening*, vol. 10, no 3, pp. 153–161.
- Gijsberts M., Dagevos J. (2007) The Socio-Cultural Integration of Ethnic Minorities in the Netherlands: Identifying Neighbourhood Effects on Multiple Integration Outcomes. *Housing Studies*, vol. 22, no 5, pp. 805–831.
- Allport G. W. (1979) *The Nature of Prejudice*. Reading, MA: Addison-Wesley.
- Heckmann F., Bosswick W. (2005) *Integration and Integration Policies*. Bamberg: European Forum for Migration Studies.
- Heckmann F., Schnapper D. (eds) (2003) *The Integration of Immigrants in European Societies: National Differences and Trends of Convergence*. Stuttgart: Lucius & Lucius.
- Jay M., Schraml U. (2009) Understanding the Role of Urban Forests for Migrants—Uses, Perception and Integrative Potential. *Urban Forestry & Urban Greening*, vol. 8, no 4, pp. 283–294.
- Kloek M. E. (2015) *Colourful Green: Immigrants’ and Non-Immigrants’ Recreational Use of Greenspace and Their Perceptions of Nature* (PhD Thesis). Wageningen: Wageningen University.
- Kokkonen A., Esaïasson P., Gilljam M. (2015) Diverse Workplaces and Interethnic Friendship Formation—A Multilevel Comparison across 21 OECD Countries. *Journal of Ethnic and Migration Studies*, vol. 41, no 2, pp. 284–305.
- Legeby A. (2010) From Housing Segregation to Integration in Public Space. *The Journal of Space Syntax*, vol. 1, no 1, pp. 92–107.
- Madanipour A. (1999) Why Are the Design and Development of Public Spaces Significant for Cities? *Environment and Planning B: Planning and Design*, vol. 26, no 6, pp. 879–891.
- Matejskova T., Leitner H. (2011) Urban Encounters with Difference: The Contact Hypothesis and Immigrant Integration Projects in Eastern Berlin. *Social & Cultural Geography*, vol. 12, no 7, pp. 717–741.
- McDowell M.G., Wonders N. A. (2009) Keeping Migrants in Their Place: Technologies of Control and Racialized Public Space in Arizona. *Social Justice*, vol. 36, no 2 (116), pp. 54–72.
- Nagy S. (2006) Making Room for Migrants, Making Sense of Difference: Spatial and Ideological Expressions of Social Diversity in Urban Qatar. *Urban Studies*, vol. 43, no 1, pp. 119–137.
- Palmer K. S. (2010) *Spaces of Belonging: Filipina LCP Migrants and their Practices of Claiming Space in Toronto* (PhD Thesis). Toronto: University of Toronto.
- Peters K. (2011) *Living Together in Multi-Ethnic Neighbourhoods: The Meaning of Public Spaces for Issues of Social Integration* (PhD Thesis). Wageningen: Wageningen University.
- Piekut A., Valentine G. (2016) Spaces of Encounter and Attitudes Towards Difference: A Comparative Study of Two European Cities. *Social Science Research*. doi:10.1016/j.ssresearch.2016.08.005
- Portes A., Rumbaut R. (2001) *Legacies — The Story of the Immigrant Second Generation*. Berkeley: University of California Press.
- Roberts N. S. (2015) Race, Ethnicity, and Outdoor Studies: Trends, Challenges, and Forward Momentum. *International Handbook of Outdoor Studies* (eds B. Humberstone, H. Prince, K. Henderson), United Kingdom: Routledge, pp. 341–350.
- Schaeffer M. (2013) Inter-Ethnic Neighbourhood Acquaintances of Migrants and Natives in Germany: On the Brokering Roles of Inter-Ethnic Partners and Children. *Journal of Ethnic and Migration Studies*, vol. 39, no 8, pp. 1219–1240.

- Seeland K., Dübendorfer S., Hansmann R. (2009) Making Friends in Zurich's Urban Forests and Parks: The Role of Public Green Space for Social Inclusion of Youths from Different Cultures. *Forest Policy and Economics*, vol. 11, no 1, pp. 10–17.
- Stodolska M., Peters K., Horolets A. (2016) Immigrants' Adaptation and Interracial/Interethnic Interactions in Natural Environments. *Leisure Sciences*. doi: 10.1080/01490400.2016.1213676
- Thuesen F. (2016) Linguistic Barriers and Bridges: Constructing Social Capital in Ethnically Diverse Low-Skill Workplaces. *Work, Employment & Society*. doi: <https://doi.org/10.1177/0950017016656321>
- Varshaver E. (2015) Teoriya kontakta: obzor [The Theory of Contact: An Overview]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsialnye peremeny*, no 5 (129), pp. 183–214.
- Varshaver E., Rocheva A., Ivanova N. Integratsiya migrantov na mestnom urovne: rezultaty nauchno-prakticheskogo proekta [Local Integration of Immigrants: Results of a Research and Action Project]. *Sociological Studies* (in print).
- Vervoort M. H. M. (2011) *Living Together Apart? Ethnic Concentration in the Neighbourhood and Ethnic Minorities' Social Contacts and Language Practices*. The Hague: The Netherlands Institute for Social Research.
- Vervoort M., Flap H., Dagevos J. (2011) The Ethnic Composition of the Neighbourhood and Ethnic Minorities' Social Contacts: Three Unresolved Issues. *European Sociological Review*, vol. 27, no 5, pp. 586–605.
- Zoletto D., Wildemeersch D. (2012) Public Playgrounds as Environments for Learning Citizenship. Notes from the Scientific Research Community: “Plurality and Diversity in Urban Context”. *Pedagogia Oggi*, no 1, pp. 78–87.